

КИРИЛЛ КАПРИНОВ

Навстречу 80-летию Александра Исаевича Солженицына

Страшно и вообразить, какая нас ждала бы свистопляска, оказись Солженицын пригодным для роли «государственного писателя». Орден ему, конечно, дадут. Но трогательного шоу не получится.

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».

Финал «Матренина двора» (1962), самого совершенного из ранних рассказов Солженицына. Наверняка автор вкладывал в эти слова и личное: и

не столько даже констатацию собственной, уже осуществившейся праведности, сколько программу жизнестроения на будущее. В скромность писателя я не верю, но важно помнить, что сомнение оправдалось. Жизнь Солженицына — самое лучшее и самое бесспорное его произведение. Праведность всегда требовала в России героизма, а подвижничество недаром однокоренное со словом *подвиг*.

Подвиг Солженицына связан с противостоянием государству: от «Одного дня...» через «Архипелаг ГУЛАГ» (самое значительное литератур-

ное произведение А.И. и «великое» по гамбургскому счету в русской литературе в целом) — до «России в обвале». В этом и заключена главная его связь с традицией русской интеллигенции: желание добиться свободы для личности, разрушив систему государственного подавления. Хоть сам Александр Исаевич изо всех сил нажимает не на *личность*, а на *народ*, симпатизирует русским консерваторам, антиингилистам (Столыпин для него — лучший человек на все времена), историческая роль А.И. оказалась иной — роль идеолога разрушения государства. Таким он был в старые социалистические времена, таков он и нынче. Главный его враг — по-прежнему российское государство в лице правителей, высших бюрократов, которые облегли Россию. «Коммунизм» оказался лишь одной из преходящих масок главного врага.

ВЕЧНЫЙ КРИТИК

Для характеристики «антигосударственничества» характерны две самые последние крупные публицистические работы: «Русский вопрос» к концу XX века» (1994) и «Россия в обвале» (1998). Главная мысль обоих сочинений — патологическая, традиционная и ничем не преодолимая глупость российских правителей. «Русский вопрос» — это не просто вопрос о выживании русских (быть народу или не быть), но именно о политике элиты, которая ставит это выживание под вопрос. С глупостью связаны упущенные возможности внутреннего

развития и растрата народных сил, направленных на ненужные России внешние цели (особенное внимание А.И. уделил «роковому панславистскому увлечению» в прошлом веке; ср. с нынешним интересом Думы к Сербии). Политическая элита, управлявшая русскими едва ли не с самого начала и по сегодняшний день, предстает у А.И. компанией двоечников. «...Для государственного руководства слишком мало у нас людей, кто б одновременно был: мудр, мужествен и бескорыстен». Причем «слишком мало» — это так, для красного словца. На самом деле — никого.

Когда А.И. вернулся в 1994 году, через 20 лет после высылки, он буквально сразу же принялся — как тогда казалось по инерции — обличать и новую Россию. Помню, что тогда это многих покорило и было воспринято комически. Дескать, прибыл предсказанный Войновичем (в «Москве 2042») Сим Симыч Карнавалов на белом коне, автор «Большой зоны», и закричал звонким голосом о «заглотной власти».

Но наступил август 1998 года, и «демократическая семилетка» с шумом провалилась, подтвердив правоту солженицынской идеологической инерции. Может быть, такова особенность России, в которой все проваливается? И именно при России и должен состоять Вечный Критик? Он без нее не может, без нее его функция не реализуется, а правота не получает столь убедительных доказательств. Вот странная судьба — и страны нашей, и русского писателя Солженицына.

Он думает, что он строитель (последняя глава «России в обвале» так и названа: «Строительное»), а он — разрушитель, антигосударственник. Одним словом, **бык**.

Дело тут не в России вовсе. И прибыв на Запад, А.И. тут же оказался чужим. «...А для Запада это выглядело так: от лютого советского правительства они защищали меня как демократического и социалистического героя... Спасли меня — а я, оказываясь, несколько не социалист, и предлагаю авторитарность, и тому драконскому правительству какие-то переговоры... И после близких недавних во-

споров — полилась на меня уже и брань западной прессы...»

Это цитата из сочинения, которое «Новый мир» публикует именно к 80-летию писателя — «Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания». С одной стороны, это продолжение «Теленки», история публикации сочинений, описание «политической мельницы» и хитрых, предприимчивых людей, думавших только о наживе (одна из них — Ольга Карлайл, любимый объект бомбометания «Литературки» 1970-х гг.). С другой стороны, это тонкая метафора того, что произошло с писателем в 1994-м и последующие годы, после репатриации.

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Как и на Западе, Солженицын и в России оказался сам по себе, вне какой-либо стаи, не вписался в *московскую культуру* с ее тейпами, с ее родоплеменным устройством в области литературы и журналистики. Нужно действительно иметь силы на самостоянье, быть духовно самодостаточным, чтобы на родине продолжить путь эмигранта: жить вне «союзов», как пушкинский «царь» («Ты царь. Живи один. Дорогою свободной...»). Никому А.И. не подошел в виде знамени или хоругви, у всех нашел несвободу, продажность, корысть и быстро об этом сообщил своим страным, ни на что «телевизионное»: не похожим образным языком и форсированным, открывающим горячую заинтересованность голосом. Недаром его еженедельные телевизионные лекции оказались недолгими: кто же у нас после десятилетия *гласности* потерпит *правду*? И зачем этот внепартийный писатель, который бьет по всем подряд (и никогда не знаешь, кто будет следующим в этой очереди)?

Да и сама горячность, детская вера в силу слова (рожденная еще в те поры, когда он своим голосом мог перекрыть *общий гул современности*) испугали.

(Каждый раз, когда наталкиваюсь на какую-нибудь глупейшую телепередачу, каких большинство, думаю, что на все это, на всех этих время нашлось. А на писателя, говорившего правду еще когда за это сажали, убивали из-за угла или в лучшем случае высылали, времени на нашем телевидении не найти.)

Кстати сказать, Солженицына его роль Вечного Критика, приведшая к изгойничеству, как раз и спасла от опасности стать **комическим персонажем** после возвращения в Россию в 1994 году. Дурного вкуса медленное приближение к Москве по глубинке, напомнившее «сто дней» Наполеона; присланные перед этим манифесты — «Как нам обустроить Россию?» (18 сентября 1990 г. его распечатала «Комсомолка», а потом и многие газеты) и «Русский вопрос» к концу XX века» (1994) — все это работало объективно против А.И. Ведь ощущение было таким, что он не понял, в какую страну вернулся, что эпоха *одного слова правды, которое весь мир перетянет*, невооруженно прошла, что в России «правда» стала профессией, и не ему соревноваться с «профи».

Но, слава Богу, помогло наше непобедимое российское хамство: Солженицына не «переогромил», а просто заткнули рот, ибо для всех он приберег неприятные слова. И больше всего — для ельцинского режима. Правда, критика оказалась такой, что и КПРФ не пригодилась. «Своих» ни во власти, ни в оппозиции А.И. не обнаружил. И даже ни одного политика на букву «Л» не полюбил...

Вот тут, на мой взгляд, главный урок: Вечный Критик — неисправимый индивидуалист. И именно в этом — *учитель жизни и великий человек*.

Как и положено интеллигенту, он не транслирует групповые догмы, а высказывает **собственное** мнение, которое никому не приобщается и никакой группе или организации не служит идеологическим подспорьем. Ни власти, ни оппозиции. Так было в те годы, когда из Америки Солженицын призывал **каждого из нас** к моральному сопротивлению (помню, какое глубокое впечатление этот призыв произвел на меня лично и во многом меня сформировал); так и сегодня. А.И. показывает, что можно и нужно жить вне стаи; что только так интеллигент может сохранить собственное достоинство. Никому не поддакивать, никого не обслуживать, не соблюдать условности, участвуя в лживых государственных или общественных ритуалах. **Не давать собой пользоваться.** Писатель видит всех и всё, но сам невидим.

НАРОД И ОТЕЧЕСТВО

Довольно долго, подвергая племя российских правителей и чиновников перманентной уничтожающей критике, Солженицын столь же последовательно и «инерционно» защищал русский народ. Народ, согласно исторической концепции А.И., никогда не был виноват в своей истории, в том, что его регулярно превращали в «экспериментальный лепной материал». И в последней книге можно найти ритуальную критику обвинений русского народа в испорченности (восходящую, как неверно утверждает А.И., к троцкистам и меньшевикам). Но вместе с тем впервые появились формулировки недостатков русского национального характера, слова о необходимости этого характера перестроить. По сравнению с войной, объявленной когда-то русофобам (главным из них «вермонтский обком» назначил Андрея Синявского) и до сих пор (например, в той же «России в обвале») возникающем призраке всемирного заговора против беззащитного и злобного русского народа («чтобы нас, русских, обезличить») — слова о народных недостатках означают несомненный прогресс.

Новация симптоматична и явно связанная с пятилетним пребыванием на Родине. Наконец, критика охватила и ту зону, которая прежде от критики была защищена и для всех народников (каковым и является А.И.) была табуирована. В итоге осталось одно Отечество — *это то, что произвело всех нас*. Оно — повыше, выше всяческих преходящих конституций. Оно — и не государство, и не народ, а идеальная сущность, мозговая конструкция, аналог Царства Божьего *внутри нас*. Только его Вечный Критик пока и оставил.

Он считает себя писателем, вынужденно занимающимся политологией и историей, поскольку коммунисты всех поуничтожали. Я же не случайно вел речь обо всем, кроме художественных произведений, слишком «сделанных» и чересчур идеологизированных (таково и наилучшее из них — роман «В круте первом»). Солженицын потому и писателем стал, что только в художественной литературе еще можно было в хрущевские 1950-е годы заняться политологией и «социальными вопросами» — под видом романов и повестей. (В другие места не пускали. Его и сейчас стараются не пускать туда, куда можно не пускать при нынешней свободе.) И в то же время свобода политическая для А.И. — это метафора свободы творчества, ибо в центре мироздания — собственная писательская судьба. Так возник и так существует этот сложный феномен — писатель Солженицын, *учитель жизни*, Вечный Критик и Разрушитель.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ